

Рецензия на монографию Н.Ю. Пятницкого «К истокам термина и понятия рефлекса в медицине и психологии»
 Москва: РУСАЙНС, 2023. 112 с. ISBN 978-5-466-02603-0

Борис Аркадьевич Воскресенский

Review of N. Yu. Pyatnitskiy's Monograph "To the origins of the term and notion of reflex in medicine and psychology"
 Moscow: RuSClence, 2023. 112 p. ISBN 978-5-466-02603-0

Boris A. Voskressenskiy

Автор рецензируемой работы известен как авторитетный исследователь сложных проблем истории и теории психиатрии. Но заголовок представляемой ныне работы может повергнуть читателя в недоумение. Ведь для современной психиатрии рефлекс — это пройденный этап, упрощенно-механистический подход. Ему на смену пришли нейровизуализация и нейрохимия. А еще рефлекс как понятие запомнился своей агрессивной апологией и личными трагедиями многих критически мыслящих ученых. Но автор не ограничивается «голой» рефлексологией. Забегая вперед, скажем, что, следуя своей методике исторических реконструкций, автор и в этой своей работе воссоздает сложный, многогранный процесс постижения всего многообразия механизмов психической деятельности человека.

Глава I. К истокам термина и понятия рефлекса в медицине и психологии: концепция R. Descartes

Романтически-аморфное слово «истоки» здесь очень уместно. Автор показывает, что достоверно назвать дату рождения термина «рефлекс» весьма сложно, что его становление тесно переплетено с разработкой таких понятий, как произвольность/непроизвольность деятельности (которую следует понимать то ли как неврологически-моторную активность, то ли как морально-психологический выбор), с признанием главенства, по мнению одних, спинного, а других — головного мозга (и в частности, эпифиза как средоточия души). Приток (*fluxus*) и отток (*reflux*) «животных духов», «симпатические» отношения между органами, рефракция и рефлексия, тело и душа (рациональная и чувственная), страсти и влечения, «предвосхищение» (Н.Ю. Пятницкий) алло-, сомато- и аутопсихических сфер, систематика эмоций, сопоставимая с современными «дименсиями личности», описание переживаний, позднее именованных как сверхценные, — вот причудливо переплетенный реестр понятий, среди которых происходила «кристаллизация», «объективизация» (примеч. Б.В.) понятия «рефлекс». В таком виде это хитросплетение дошло до наших дней, поэтому автор проводит собственное научно-библиографически

документированное расследование, в итоге которого восстанавливает истинную последовательность накопления научных знаний по этому вопросу.

Для придания наглядности — визуализации этих сложных анатомо-физиологических построений — автор настоящей монографии воспроизводит замечательный, по-своему изящный рисунок, впервые представленный в «Трактате о человеке» Р. Декарта, а впоследствии получивший наименование «рефлекторная дуга». И это цитирование, этот своеобразный мостик между веками, эта радуга (вкладываем в эту метафору не только «природно-метеорологический», но и более возвышенный духовный смысл) есть впечатляющее утверждение непрерывности научного поиска, познания человеком самого себя.

Глава II — «Нервно-мышечное взаимодействие: концепции Th. Willis и R. Whytt» — открывается резюмированием представленных в предыдущем разделе воззрений Декарта: нерв — это полая трубка, по которой к желудочкам мозга и обратно к мышцам перемещаются «животные духи».

Автор подробно излагает воззрения исторического преемника Декарта англичанина Виллиса: «послойное» строение души, функции отдельных структур головного мозга, включая локализацию отдельных психических процессов (память, воображение и др.), динамика «животных духов». Не остается без внимания и спинной мозг.

На этом историческом этапе анатомия и физиология мозга разрабатываются все более подробно, возникает понятие раздражимости, которая может иметь разные степени осознаваемости-управляемости. Появляется понятие стимула как еще одного фактора, характеризующего активность организма. Становится все более очевидным, что ответ, активность организма определяется различными факторами: анатомо-физиологической организацией, природой раздражителя, особенностями душевного склада. Автор упоминает описания «задумчивых, меланхолических людей», представленных в работе шотландского врача R. Whytt, который, очевидно, не останавливаясь на человеке,

а поднимаясь выше (*примеч. Б.В.*), провозглашал, что «истинная физиология» ведет к «Первопричине и к Творцу».

Итак, автор рецензируемой работы убедительно показывает, как на этом историческом этапе исследование активности человека выходит за рамки рассмотрения «автоматического» реагирования — феномена рефлекса как такового, погружается в глубь телесных структур и одновременно поднимается в область психического — идеального.

Само название **главы III «Витализм» и «прото-типические пропорции» темпераментов в концепции G.E. Stahl** уже указывает читателю направление дальнейшего движения научной мысли.

Но точкой отсчета по-прежнему остаются рефлекс и рефлекторная дуга. Автор монографии, бережно сохраняя путеводную нить исследования (и вместе с тем забегая вперед), обращает особое внимание на то, что эти понятия интегрировали в свои основополагающие концепции такие столпы психиатрии, как W. Griesinger и А.В. Снежневский.

G.E. Stahl различал два типа движения в организме. Одно — «витальное», его причина — «душа», имеющая общее с галеновской «пневмой», проявляющейся тремя «модусами» (*примеч. Б.В.*) — растительным, животным, рациональным. Второе — «анимальное» — животное (очевидно, в несколько ином смысле, чем предыдущая «животность»), соответствующее произвольно-волевому. Возможен и «смешанный» тип движения.

Также им разрабатывалось понятие «тона» = тонуса, который может возрастать до «спазма» и «конвульсии». Следующий шаг Шталя — от «тонуса» к темпераменту — представляется вполне естественным. Но замечательно, что в этих построениях Шталя проявляет себя как материалист, связывая душевные свойства с телесными особенностями и этим в определенном смысле предвосхищает Э. Кречмера, что специально акцентирует автор настоящей монографии. Автор воспроизводит описания Шталем содержательных характеристик каждого из типов. И в этой вариативности встречаются смешанные варианты. Особое внимание читателя привлекает сделанный автором (Н.Ю. Пятницким) акцент на сангвиническом типе — Шталя оценивал его как «самый естественный», и этот взгляд в целом соответствует современной трактовке циклоидности = синтонности как «практическому = прагматическому оптимуму» (*рец. Б.В.*) характера. Разграничение «болезней» и «симптомов», предрасположение к тем или иным заболеваниям, представленное в работах Шталя, также анализируется автором. По понятным причинам (само упоминание Шталя требует этого) не ускользнула от внимания автора и проблема взаимоотношений «психиков» и «соматиков» — извечное «яблоко раздора» между психиатрами разных эпох и направлений. Трактовка, оценка всех этих элементов здоровой и больной психики во многом определяют классификации психических расстройств, и автор подробно излагает различные точки зрения

на предлагавшиеся в те времена отдельные систематики.

Центральная фигура **главы IV** также представлена перед нами уже в заголовке раздела: **«Доктрина «нервизма» Fr. Hoffmann»**. Это выдающийся германский врач, химик и философ рубежа XVII–XVIII вв. Его «механизмизм» не требовал (в отличие от «анимизма» G.E. Stahl) «разумной причины» для объяснения активности организма. Основную роль играет циркуляция крови, ее «сокращение» и «расширение», а сами эти понятия у Fr. Hoffmann преобразуются в универсальные общепатологические систолы (в крайних формах — спазмы) и диастолы (соответственно атонии). На этом строилась и систематика различных болезней.

Но причиной болезней могут оказаться механические повреждения нервной системы, порой не ограничивающиеся определенным конкретным участком, а распространяющиеся на все ее структуры. Это и есть «нервизм».

Вместе с тем Fr. Hoffmann видел в человеке существо двухкомпонентное: бессмертный, мыслящий, свободный «дух» и обреченное на разрушение-разложение «тело». Дух (он же душа? — *Примеч. Б.В.*) — вне компетенции медицины, ее объект — тело, своеобразная «гидравлическая машина». Нельзя не поблагодарить автора монографии за представление этой дихотомии, поскольку вопрос о границах врачебного вмешательства никогда не сходит с медицинской повестки дня (сегодня это и смена пола, и реаниматология, и инакомыслие, и многое-многое другое). Он не забывает и о «духах» — у Fr. Hoffmann это особые «тонкие» жидкие элементы тела, «тонкие флюиды» и «эфир» («тонкая» часть воздуха — пневма древних мыслителей).

В соответствии со всеми этими слагаемыми организма Fr. Hoffmann систематизирует темпераменты, причины и «механизмы» (наверное, можно сказать, патогенез) различных болезней и, несмотря на разграничение духа (души) и тела, обсуждает их взаимоотношения при формировании той или иной патологии.

Итак, в этой главе автор монографии показывает нам, что и ранее возникшие, и вновь народившиеся медико-биологические понятия, категории не исчезают, а все более усложняются в своей природе, вступают во все более сложные взаимоотношения.

В трех последующих главах представлены воззрения J.A. Unzer — врача и физиолога XVIII–XIX вв. Он исследовал «животные», «душевные силы», феномен «привыкания», механизмы чувственного воображения, влечения, страстей, «нервную силу» и «отражение впечатлений». J.A. Unzer — «механицист», но в его видении человека нет прямолинейности, однозначности. «Органической машиной» человеческого тела управляют не только законы механики, но и особые — «анимальные» (животные) силы, часть из которых следует «силе представлений» души, «разумности», а другая согласуется с чисто (*примеч. Б.В.*) душевными — «нервными» силами. Первоприрода всех этих энергий неясна. Но очевидно, что животные силы определяют,

организуют особую активность, не вписывающуюся в механику-физику.

Но это не мешает J.A. Unzer выстраивать анатомо-физиологически-психологические конструкции нервно-психического функционирования организма человека, говорить о взаимосвязи «материальных идей в мозге» и «представлений в душе», анализировать «индивидуальную чувствительность» и «привыкание» к внешним ощущениям, варианты взаимодействия души и тела. Попытки содержательно, «наглядно» соединить материальное и идеальное продолжают. (Примечательно в этом отношении примечание — позволим себе каламбур-тавтологию — на с. 79. Автор монографии уточняет, что «душевные силы» немца J.A. Unzer превращаются в англоязычном переводе в силы церебральные. От себя заметим, что для русского уха расстройств психические и расстройств ментальные — не совсем одно и то же.)

В некоторых аспектах построений J.A. Unzer автор настоящей монографии видит истоки концепции «общего чувства» (сенестезий-козвестезий), клинически очерченного понимания галлюцинаций, и этими и другими подобными сопоставлениями представляет читателю нить неустанных научных поисков в науках о человеке.

Последняя **VIII глава озаглавлена «Концепция G. Prohaska “отражения” (reflexion) в нервной системе»**. Приближаясь к завершению своего исторического исследования, автор рецензируемой монографии уже формулирует главный итог: «первыми научными концепциями рефлекса являются концепции “отражения” в нервной системе J.A. Unzer (1771) и G. Prohaska (1784)» (с. 89).

Ученый, с которым мы знакомимся в этой главе, — это чешско-австрийский физиолог и офтальмолог. G. Prohaska пересматривает и в определенной мере переоценивает постулаты, находки и предположения своих научных предшественников — и античных, и недавних. Он формулирует свой ряд «общих свойств нервной системы» («нервная сила», стимулы, варианты их взаимоотношений и условия функционирования, идиосинкразия как особенное «повреждение» нервной

системы, части нервной системы, витальность как одно из проявлений «нервной силы», «общая чувствительность» и др.).

Последнее из перечисленных свойств — «общая чувствительность» — обеспечивает «встречу и коммуникацию» чувствительных и двигательных нервов, в ходе которой «впечатления, полученные чувствительными нервами, “отражаются” на двигательные нервы» (с. 97 рецензируемой монографии). Анатомическая арена этого «переключения» (рец. Б.В.) — продолговатый мозг — ножки мозга и мозжечка, части таламуса — и спинной мозг. Сам этот процесс подчиняется закономерностям не только физическим, но и природе «нервной ткани». Он может быть как осознаваемым, так и бессознательным и имеет «высшей целью» (рец. Б.В.) сохранение индивидуума. Психические процессы G. Prohaska связывает с деятельностью нервной системы.

На описании этих взаимоотношений, к нашему (рец. Б.В.) сожалению, рецензируемая монография завершается. За сим, конечно, следует список литературы, весьма обширный (11 рукописных страниц), русско- и иноязычной, содержащий и историко-культурные, и собственно научные источники.

Итак, повторим сказанное в начале настоящей рецензии — «рефлекс» оказывается не отдельным, частным нейрофизиологическим механизмом, а одним из этапов-концептов в познании человеком самого себя.

Представленный в книге материал огромен по объему и неохватно многогранен по затрагиваемым проблемам. И это величайшее достоинство работы. Заключительный очерк-итог-резюме очень бы помог читателю в упорядочении и закреплении полученных знаний. Но коль скоро проделывать эту процедуру ему придется самостоятельно, то вполне возможно, что обретенные сведения закрепятся в нем в оптимально индивидуализированной-персонализированной форме.

Рецензируемая работа заслуживает самой высокой оценки. Будем ждать от автора новых исследований, а от заинтересованной аудитории расширения ее масштабов и углубленного освоения предложенного материала.

Сведения об авторе

Борис Аркадьевич Воскресенский, кандидат медицинских наук, доцент, кафедра психиатрии и медицинской психологии, ФГАОУ ВО Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова, Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-0554-0447>
creation3000@yandex.ru

Information about the author

Boris A. Voskressenskiy, Cand. of Sci. (Med.), Assistant Professor, Department of Psychiatry and Medical Psychology, Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-0554-0447>
creation3000@yandex.ru